

Бобров Александр Григорьевич

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом)

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

А. А. Шахматов и спорные вопросы раннего новгородского летописания

Труды академика А. А. Шахматова в области летописания в целом и новгородского летописания в частности составили целую эпоху в отечественной историко-филологической науке [Лурье 1976: 87–107, Вовина-Лебедева 2011: 210–227]. Взгляды исследователя эволюционировали, и он не раз пересматривал многие положения, касающиеся истории новгородского летописания. В данной статье мы попытаемся дать краткий обзор точек зрения исследователя на важнейшие памятники раннего новгородского летописания XI — первой половины XII в., а также рассмотреть их судьбу в последующей научной традиции. Реконструируемые в трудах А. А. Шахматовым ранние новгородские летописи анализируются в хронологическом порядке.

Новгородская летопись 1017 года. В работах А. А. Шахматова конца XIX — начала XX вв. достаточно определенно говорится о существовании летописи 1017 года, составленной в Великом Новгороде при владыке Иоакиме, бывшем, согласно церковной традиции, первым епископом Новгорода в 992–1030 гг. Этот гипотетический летописный свод, по мнению исследователя, время от времени пополнялся на протяжении XI в. новыми записями, которые с XII в. стали вестись полнее и обстоятельнее: «Трудно сомневаться, что Иоакимова летопись велась именно там, где она возникла, т. е. при дворе новгородского владыки» [Шахматов 1900: 183–188]. В одной из своих ранних работ А. А. Шахматов специально оговаривал, что он «мало занимался Иоакимовой летописью» и поэтому ничего не может «сказать о ее существовании» [Шахматов 2003: 52¹]. Позже ученый с определенной уверенностью отмечал, что в Новгороде уже при владыке Иоакиме в начале XI в. была составлена первая на Руси летопись; «она в начале сообщала кратко о крещении Новгорода прибывшим туда Иоакимом, поставлении им церковей, посажении Вышеслава, приглашении на стол Ярослава и затем подробно говорила о событиях 1015–1016 гг.; в конце была вписана

¹ Первое изд. см.: [Шахматов 1897: 1–58].

Ярославова грамота» [Шахматов 2002: 339¹].

Характеризуя летопись, составленную предположительно при владыке Иоакиме Новгородском, А. А. Шахматов не опирался на выписки из некоей старой рукописи, опубликованные В. Н. Татищевым в 4-й главе 1-го тома его сочинения «История Российская». Как известно, эти выписки также получили в историографии наименование «Иоакимовская летопись». В наше время существуют как сторонники, так и противники древности известий этой «Иоакимовской летописи». С. Н. Азбелев говорит о летописи Иоакима, составленной около 1017 г., соглашаясь с наблюдениями А. А. Шахматова о существовании летописного текста, созданного около этого времени, но при этом он использует труд В. Н. Татищева. В несохранившейся «Иоакимовской летописи» С. Н. Азбелев видит отражение той самой летописи 1017 г., о которой писал А. А. Шахматов [Азбелев 2003: 5–27], однако в современной науке преобладает взгляд на «татищевскую» «Иоакимовскую летопись» как на произведение позднейшего времени, относящееся либо к XVII — началу XVIII в., либо даже к творчеству самого Василия Никитича Татищева (последняя точка зрения наиболее подробно аргументирована в монографии А. П. Толочко). Древность «Иоакимовской летописи» — якобы несохранившегося до наших дней источника сведений В. Н. Татищева, содержащего уникальные сведения о ранней истории Новгорода, по меньшей мере, сомнительна [Толочко 2005: 196–245, Свердлов 2009: 76–93]. Заметим, что в более поздних работах А. А. Шахматова речь уже не идет о новгородском своде 1017 года, и летопись Иоакима как памятник начала XI в. не рассматривается.

Новгородский свод 1050 года. Следующий по времени создания новгородский летописный памятник, гипотетический свод 1050 г., появляется в построениях А. А. Шахматова в его монографии 1908 года («Разысканиях о древнейших русских летописных сводах»). Согласно выводам исследователя, в Новгороде еще в начале XI в. (около 1017 г.) были составлены краткие летописные записи, но впоследствии ведение летописи было прекращено и возобновилось лишь около 1036 г. [Шахматов 2002: 340–342]. Записи 1017 и 1036 гг. около 1050 г. вошли в состав обширного новгородского летописного свода, созданного по инициативе князя Владимира Ярославича и епископа Луки Жидяты по случаю окончания строительства каменного Софийского собора. Этот свод, согласно А. А. Шахматову, представлял собой переработку киев-

¹ Первое изд. см.: [Шахматов 1908].

ского Древнейшего свода 1039 г., дополненную новгородским материалом. В дальнейшем, согласно А. А. Шахматову, новгородский свод середины XI в. время от времени пополнялся новыми записями, а лишь после 1108 г. летописание в Новгороде стало вестись из года в год. Новгородский свод 1050 г. послужил, по Шахматову, источником для киевского Начального свода 1095 г. и для более поздних новгородских сводов, начиная с новгородского свода 1167 г. А. А. Шахматов осуществил реконструкцию текста новгородского свода 1050 г. с продолжением до 1079 г. [Шахматов 2002: 431–449].

Гипотезу о Новгородском своде 1050 г. с теми или иными коррективами и поправками в целом приняли многие исследователи летописания: Б. А. Рыбаков [Рыбаков 1963: 193–206], А. Г. Кузьмин [Кузьмин 1977: 362–382], А. А. Зимин [Зимин 1999: 140–141],¹ В. А. Кучкин [Кучкин 1995: 87–102], С. Н. Азбелев [Азбелев 2003: 5–27] и др. Однако высказывались и мнения о том, что новгородского свода 1050 г. (XI в.) вообще не существовало (В. М. Истрин, Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров [Тихомиров 1962: 63] и др.). Некоторые авторы полагали, что в Новгороде XI в. велись не летописи, а отдельные записи (С. В. Бахрушин, М. Х. Алешковский, А. В. Поппэ, А. Накадзава [Накадзава 2006: 264–265] и др.).

Наиболее подробно рассмотревший этот вопрос Т. В. Гимон приходит к выводу, что шесть отдельных новгородских известий Синодального списка Новгородской первой летописи старшего извода (далее: НПЛ ст.), за 1045–1079 гг. — это краткие записи, делавшиеся в Новгороде в это время и не входившие в состав какого-либо более обширного памятника [Гимон 2014: 82–97]. Аргументы Т. В. Гимона в пользу того, что новгородское летописание XI в. представляло собой не целый самостоятельный свод, а лишь единичные записи, представляются не только убедительными, но и принципиально важными для интерпретации многих известий, ранее воспринимавшихся как древние и полностью достоверные. Весьма авторитетная и почтенная гипотеза, подробно обоснованная А. А. Шахматовым, теперь должна быть существенно скорректирована.

Начальный свод 1095 г. Этот летописный свод, существование которого являлось одной из краеугольных идей А. А. Шахматова, оказался наиболее авторитетной из его гипотез. Долгое время она не подвергалась пересмотру. Лишь сравнительно недавно появились ра-

¹ Время работы А. А. Зимина над этой монографией — 1950–1970-е годы.

боты киевской исследовательницы Т. Л. Вилкул, которая обосновала новый взгляд на историческое повествование Древней Руси, включающий принципиальный отказ от шахматовской концепции «Начального свода» 90-х гг. XI в. — предшественника текста «Повести временных лет» (далее: ПВЛ). По мнению исследовательницы, дошедший до нас текст Новгородской первой летописи младшего извода (далее: НПЛ мл.), в котором А. А. Шахматов видел отражение «Начального свода», сложился не в XI, а в XIV–XV вв. Этот пересмотр является стержнем монографии «Літопис і хронограф: Студії з текстології домонгольського київського літописання», в которой были разобраны проблемы, касающиеся шахматовских гипотез о Начальном своде и Хронографе [Вілкул 2015].

Исследовательница привлекла для анализа текст НПЛ мл. на тех участках, где он коррелирует с ПВЛ и заимствованиями из хроник, т.е. там, где обычно видели отражение новгородской летописью ранних киевских записей. В результате детального анализа Т. Л. Вилкул пришла к выводу, что текст НПЛ мл. не отражает более ранний этап летописания, чем ПВЛ, а наоборот, находится в зависимости от нее. В монографии убедительно показано, что шахматовский взгляд на текст НПЛ мл. как первичный по отношению к ПВЛ может быть по меньшей мере подвергнут сомнению. Вряд ли шахматовская гипотеза окончательно может быть сдана в архив, но киевская исследовательница создала целостную альтернативную концепцию, по сути дела, равнозначную той, которая кажется почти аксиомой для медиевистов.

Я думаю, что если верна предлагаемая Т. Л. Вилкул датировка «XIV–XV вв.» появления версии текста НПЛ мл., где Олег предстает не князем, а воеводой, то ее можно уточнить и говорить именно о первой половине XV в., когда на смену «лествичной» системе престолонаследия, «сеньорату», приходит новая — по нисходящей линии «от отца к старшему сыну», куда князь Олег уже никак не вписывается, и летописец вынужден делать его «воеводой» при сыне Рюрика, князе Игоре.

Летопись Кирика Новгородца 1136–1137 гг. Впервые о Кирике как о летописце заговорил А. А. Шахматов. В работе 1908 г. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» он посвятил один из параграфов (134-й) обоснованию предположения, что Кирик был причастен к созданию годовых статей 6644/1136 и 6645/1137 гг. НПЛ ст.: Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка, мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день. Томъ же

лѣтѣ, наставышю индикта 15, убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съвергоша...»; «Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка, мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день. Томъ же лѣтѣ, наставышю индикта 15, убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съвергоша...» [Новгородская первая летопись 1950: 24].

Аргументация А. А. Шахматова заключалась в следующем: не могли быть случайными совпадения записи 6644/1136 г. НПЛ ст. со временем, «когда Кирик писал свое Учение»; отмечались сложность календарного счета в летописной статье и в сочинении Кирика (счет календами, лунный день), а также трехкратное упоминание «индиктов» в летописных статьях 1136–1137 гг. при том, что «до этого 6644 г. индикты в Новгородской 1-й не обозначаются», а в следующий раз индикты упоминаются только под 6676/1168 г. Завершая свой краткий анализ текста НПЛ ст. под 6644/1136 и 6645/1137 гг., исследователь задался вопросом: «Не следует ли из этого, что Кирику принадлежали во владычном своде только записи 6644 и 6645 гг.?» [Шахматов 2002: 137–138].

Позже Е. Ю. Перфецкий предположил, что Кирик писал и обрабатывал новгородскую летопись на протяжении не только двух лет, как думал А. А. Шахматов, а на протяжении трех десятилетий (1130-е – 1160-е гг.) [Перфецкий 1922: 68–69].

Д. С. Лихачев надежно установил факт перехода ведения новгородского летописания от князя к владыке около 1136 г. Объяснение этого перехода он находил в изменениях в государственном управлении Новгорода в те же годы. Особенностью его исследовательского подхода было привлечение широкого историко-культурного контекста, свидетельствующего о синхронных переменах в новгородском искусстве, что явилось серьезным аргументом в пользу участия Кирика в создании нового владычного летописания [Лихачев 1944: 98–106, Лихачев 1948: 240–265¹].

Впоследствии В. Л. Яниным было уточнено, что изгнание Всеволода и приглашение Святослава было лишь этапом на пути трансформации княжеского правления в республиканское. Хотя этот процесс продолжался с конца XI до XIII в., все-таки смена летом 1136 г. на новгородском столе Мономаховича на Ольговича явилась бескомпромиссным примером реализации принципа «вольности в князьях», который именно в этом году, по словам В. Л. Янина, «окончательно восторжествовал» (курсив мой. — А. Б.) [Янин 2003: 88–106].

¹ Переизд.: [Лихачев 1986: 154–184]. См. также: [Бобров 2010: 128–141].

А. А. Гиппиус уточнил, что переход княжеского летописания в руки новгородского владыки мог произойти не в 1136 г., а в 1132 г., когда новгородцы с союзниками уже выгоняли из Новгорода князя Всеволода, но через недолгое время позвали обратно. По мнению А. А. Гиппиуса, вклад Кирика был не столь велик, поскольку замены «Повести временных лет» на Начальный свод вообще не было, и в новгородском летописании уже находился Киево-Печерский свод 1095 г. с продолжением до 1115 г. Но исследователь признает, что переход от княжеского свода к владычному осуществил именно Кирик. А. А. Гиппиус считает, что «предполагаемый Д. С. Лихачевым механизм превращения софийской летописи из княжеской во владычную в связи с изменением статуса св. Софии кажется вполне правдоподобным. Оправдано и отнесение этого преобразования к 30-м гг. XII в. Действительно, если в статье 6638 (1130) г. еще чувствуется рука княжеского летописца, то уже через шесть лет, в статье 6644 (1136) г. в летописи обнаруживает свою редкостную календарно-астрономическую осведомленность Кирик — автор «Учения о числах» и приближенный епископа Нифонта» [Гиппиус 1997: 40–41].

В качестве дополнительного соображения в пользу гипотезы Шахматова-Лихачева о роли Кирика Новгородца в реформе новгородского летописания могут быть более подробно рассмотрены «аргументы индиктов». В статье 6644 г. впервые в новгородском летописании индиктом датируются не сакральные события церковной истории или торжественное вокняжение, а бурные события политической жизни. Такое явление мы видим в статье 1136 г. («Томъ же лѣтѣ наставъшю индикту 15»), когда сообщается об убийстве «Гюргя Жирославича», а также в статье 6645/1137 г., индикт 15, где говорится о переходе посадника Константина на сторону князя Всеволода. Далее следует перерыв более чем в тридцать лет, и индикт появляется только в следующих статьях: 6676/1168 г., индикт 1, приглашение князя Романа Мстиславича; 6686/1178 г., индикт 10, смерть князя Мстислава Ростиславича, вокняжение его брата Ярополка. Далее индикты появляются только в дополнительных записях Синодального списка XIV в. Таким образом, датировка по индиктам в раннем новгородском летописании была достаточно редкой.¹ Трехкратное упоминание «индикта» в двух

¹ В семи из восьми случаев упоминание «индиктов» в НПЛ ст. оказалось сокращенным в НПЛ мл., в которой есть только два случая упоминания индиктов, и оба — в известиях о торжественных церковных событиях: 2 мая 6623/1115 г., индикта 8 — перенесение мощей Бориса и Глеба (есть и в НПЛ ст.); 6842/1334 г., индикта 2 — поездка новгородского архиепископа Василия Калики к митрополиту во Владимир.

годовых статьях 1136 и 1137 гг. на фоне исключительной редкости таких упоминаний в новгородском летописании убеждает в том, что, вопреки сомнениям некоторых исследователей, что эти статьи писал Кирик Новгородец, автор «Учения» 1136 г., в котором находился целый раздел, посвященный индиктам.

О тождестве летописца и Кирика также говорят: использование в статье 1136 г. весьма редкого в новгородском летописании указания на точный час описываемого события (все такого рода упоминания в Новгородской I летописи младшего извода сокращены как избыточные); указание в летописной статье лунного дня, подробно рассмотренного Кириком; уникальное для раннего летописания использование хронологического термина «каланда». Интерес к единицам измерения времени, в том числе необычным, и схожее использование их обозначений являются очень убедительными аргументами в пользу отождествления летописца и автора «Учения о числах».

Таким образом, гипотезы А. А. Шахматова о раннем новгородском летописании имеют различную судьбу в последующей научной традиции. Мысль о Своде 1017 г., судя по всему, была оставлена самим автором, но ее подхватили сторонники древности «татищевской» Иоакимовской летописи. Гипотеза о Своде 1050 года долгое время считалась авторитетной и в неё вносились лишь уточнения (состава и датировки), но в последнее время Т. В. Гимон в своих исследованиях ее практически опроверг. Начальный свод 1095 г. (киевский по происхождению, но новгородский по бытованию) до сих пор упоминается в основных учебниках и обзорах по истории древнерусской литературы, однако серьезную альтернативную точку зрения высказала Т. Л. Вилкул. До конца дискуссии здесь еще далеко. Наконец, соображения А. А. Шахматова о Кирике Новгороде как о летописце, авторе статей 1136 и 1137 гг., нашли впоследствии полное подтверждение.

Как бы ни складывалась дальнейшая судьба шахматовских гипотез, они сыграли свою стимулирующую и плодотворную роль в истории науки, побудили последующие поколения ученых к углубленным разысканиям, невозможным без учета и осмысления основополагающих трудов создателя отечественной текстологии.

Сокращения

НПЛ мл. — Новгородская I летопись младшего извода

НПЛ ст. — Новгородская I летопись старшего извода

ПВЛ — Повесть временных лет

Литература

- Азбелев С. Н.* К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9 (19). С. 5–27.
- Бобров А. Г. Д. С.* Лихачев как исследователь новгородских летописей (Диссертация «Новгородские летописные своды XII века») // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 128–141.
- Вілкул Т. Л.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. К., 2015.
- Вовина–Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 210–227.
- Гимон Т. В.* Новгородское летописание XI — середины XIV в. как социокультурное явление. Дисс. ... доктора исторических наук. М., 2014. URL: http://www.igh.ru/upload/information_system_8/6/3/4/item_634/gimon-dissertazia.pdf (дата доступа 26.05.2015).
- Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999.
- Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Кучкин В. А.* «Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ...» // Russia Mediaevalis. 1995. Vol. 8. № 1. Р. 87–102.
- Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 240–265.
- Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 154–184.
- Лихачев Д. С.* Новгородские летописные своды XII в.: (Автореферат) // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1944. Т. 3. Вып. 2–3. С. 98–106.
- Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 87–107.
- Накадзава А.* Исследования новгородских и московских летописей XV века. Тояма, 2006.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
- Перфецкий Е. Ю.* Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922.
- Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963.
- Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.
- Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М., 1962.
- Толочко А. П.* «История российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.–Киев, 2005.
- Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древ-

нейших русских летописных сводах. СПб., 2002.

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003.

Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде // Чтения ОИДР. 1897. Кн. 3. Отд. 3. С. 1–58.

Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 332. С. 183–188.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.